

> МАГИСТРАЛЪ >

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Дублинцы
Ранняя проза

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

James Joyce
DUBLINERS

Перевод с английского, послесловие, комментарии
Сергея Хоружего

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Джойс, Джеймс.

Д42 Дублинцы : ранняя проза / Джеймс Джойс ; [перевод с английского, послесловие, комментарии С. Хоружего]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-187750-7

Эта книга — собрание художественной прозы Джеймса Джойса, написанной им прежде своего главного труда, романа «Улисс». Это цикл прозаических этюдов «Эпифании», роман «Портрет художника» и незаконченный опус «Герой Стивен».

Все тексты публикуются в переводе С. С. Хоружего, а его заключительная статья рисует мир раннего Джойса в его внутренней жизни, его эстетических и экзистенциальных импульсах: как редкостно независимый, самобытный творческий мир, в котором художник в юности, следуя собственному «вектору Джойса» и сверяя его с «вектором Флобера», направлялся к вершине «Улисса».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© С. Хоружий, перевод на русский язык,
послесловие, комментарии. Наследник, 2025

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-187750-7

ЭПИФАНИИ

1 (1).

[Брэй: в гостиной дома на Мартелло-Террас]

Мистер Вэнс (*входит с тростью*): ...Он, знаете ли, должен извиниться, миссис Джойс.

Миссис Джойс: Должен, вы правы... Джим, ты слышишь?

Мистер Вэнс: А то прилетят коршуны, ему глаза расклюют.

Миссис Джойс: Нет-нет, он конечно извинится, иначе ведь его в рай не возьмут...

Джойс (*к самому себе, под столом*):

Глаза расклюют,
В рай не возьмут,
В рай не возьмут,
Глаза расклюют.

В рай не возьмут,
Глаза расклюют,
Глаза расклюют,
В рай не возьмут.

2.

Завтра занятий нет: субботний вечер, зима, я сижу у камина. Они скоро уже вернутся со всякой едой, мясо, овощи, чай и масло и хлеб, и белый пудинг, который ворчит в кастрюле... Сижу и читаю про Эльзас, переворачиваю жел-

тые страницы, рассматриваю мужчин и женщин в странных нарядах. Мне нравится читать про их обычаи; кажется как будто я через них прикасаюсь к жизни страны, как будто у меня общение с немецким народом. Драгоценнейшая иллюзия, друг моей юности!..... В него я вкладывал образ меня самого. Наши жизни остаются священны в их сокровенных симпатиях. Я с ним по ночам, когда он читает книги философов или какую-нибудь повесть о старине. Я с ним, когда он бродит один или с кем-то, кого он никогда не видел, с той девушкой, что обвивает его своими руками, не знающими ничего дурного, дарует свою простую и щедрую любовь, слыша душу его и ей отвечая он не ведает как.

3.

Праздник окончен, последние расходящиеся по домам дети одеваются. Рейс последний. Гнедые облезлые лошадки знают это и потряхивают бубенчиками, в ясную ночь посылая вразуменье о том. Кондуктор разговаривает с вожатым, и оба то и дело кивают головами в зеленом свете фонаря. Вокруг никого. Мы как будто прислушиваемся, я на верхней ступеньке, она на нижней. Пока мы разговариваем, она много раз поднимается на мою ступеньку и снова спускается на свою, а раз или два остается рядом со мной, забыв сойти вниз и сходит лишь погоды... Пусть так, пусть так... Теперь она уж не задается передо мной своим платьем, нарядным пояском, длинными черными чулками, потому что теперь мы как будто знаем (мудрость детей), что такой конец нам больше понравится, чем любой, ради которого мы трудились.

4 (5).

[Дублин: на Маунтджой-сквер]

Д ж о й с *(подводит итог)*: ...Значит, это будет сорок тысяч фунтов.

Т е т я Л и л и (*со смешком*): Сусе! ...Я вот тоже была такая... Когда я была девочка, я просто уверена была, что выйду замуж за лорда... или в таком роде...

Д ж о й с (*в размышлении*): Это она никак сравнивает себя со мной?

5.

На верхнем этаже старого темнооконного дома: в узкой комнате отблески огня из камина; за окном сумерки. Старушка возится, готовит чай; говорит про изменения, про всякие странности у нее, и что священник сказал и что врач... Я слышу ее слова издали. Я брожу среди углей очага, по тропам приключений... Господи! А что это в тамбуре? ... Череп — обезьяна; существо, привлеченное к огню, к голосам: бессмысленное существо.

— Это Мэри-Элин?

— Нет, Элиза, это Джим...

— А... Добрый вечер, Джим...

— Тебе чего-то надо, Элиза?..

— Я думала, это Мэри-Элин... Я думала, ты — это Мэри-Элин, Джим...

6.

Небольшое поле, заросшее сорняками и чертополохом, населено смутными фигурами, полулюди, полукозлы. Волоча длинные хвосты, они передвигаются туда и сюда, угрожающе. Лица у них с жидкими бороденками, заостренные, каучуково-серые. Тайный личный грех направляет их, собрав их сейчас, как бы в ответ, к постоянному злорадству. Один кутается в рваный фланелевый жилет, другой скулит без конца, когда его бороденка застревает в колючках. Они движутся вокруг меня, окружают меня, тот старый грех делает их глаза острыми и жестокими, со свистящим звуком они медленно кружат по полю, ужасающие морды задраны вверх. Спасите!

7.

Пора уходить — завтрак уже готов. Но прочитаю еще молитву... Есть хочется, но хочется и оставаться здесь, в этой тихой часовне, где месса началась и окончилась так тихо... Радуйся, Пресвятая Царица и Всемилостивая Мать, жизнь наша, наше тепло и надежда! Уповаю, что завтра и потом, всякий день я буду приносить в дар тебе благие дела, ибо знаю, что порадует тебя, если буду делать так. А сейчас прощай... О, прекрасный свет солнца на улице и — о, свет солнца в сердце моем!

8.

Небо покрыли серые облака. На развилке трех дорог у заболоченной полосы берега валяется большая собака. Время от времени она задирает морду и издает долгий печальный вой. Люди останавливаются на нее взглянуть и идут дальше, некоторые задерживаются, привлеченные, быть может, этим плачем, в котором они слышат как будто эхо собственной своей скорби, имевшей некогда голос, но теперь безгласной, прислуживающей трудовым будням.

9 (12).

[Маллинггар: июльское воскресенье, полдень]

Т о б и н (*звучно ступая в тяжелых башмаках и стуча по мостовой посохом*): ...Чтоб парню остепениться, вернее женитьбы не придумаешь. Я пока сюда не попал, в «Икземинаер», я и с дружками погуливал и попивал... А теперь у меня дом хороший и... вечерком уже ты идешь в свой дом... ну, а захочешь выпить — что же, можешь и выпить... Совет мой каждому молодому парню, кто это может себе устроить, — женись молодым.

10 (13).

[Дублин: в «Оленьей голове» на Дэйм-лейн]

О'Мэхони: А у вас есть там такой маленький священник, что занимается поэзией, отец Рассел?

Джойс: Есть, есть... Я слышал, он писал стишки.

О'Мэхони (с понимающей улыбкой): Вот-вот, стишки... Это самое для них правильное слово...

11 (14).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Джойс: Я знал, что вы имеете в виду его. Только вы с возрастом ошиблись.

Мэгги Шихи (наклоняется вперед, чтобы говорить со всей серьезностью): Ну, а сколько же ему?

Джойс: Семьдесят два.

Мэгги Шихи: Правда?

12 (16).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

О'Рейли (становясь серьезным): Так, кажется, моя очередь... (со всей серьезностью). Кто ваш любимый поэт?

(пауза)

Ханна Шихи: ...Немецкий?

О'Рейли: ...Да.

(молчание)

Ханна Шихи: Я думаю... Гете...

13 (19).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Фоллон (проходя мимо): Мне сказали, чтобы я особо поздравил вас по случаю вашего выступления.

Джойс: Благодарю вас.

Блейк (*после паузы*): Я никому бы и никогда не посоветовал этого... Нет, это ужасная жизнь! ...

Джойс: Ага.

Блейк (*между двумя затяжками*): Конечно... тут все отлично на вид... для тех, кто не знает... Но если бы вы знали... это просто ужасно. Огарок свечи, никакого... ужина, убогая... бедность. Вы просто не представляете себе...

14 (21).

[*Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс*]

Дик Шихи: Это как это ложь? Господин спикер, я должен попросить...

Мистер Шихи: К порядку, к порядку!

Фоллон: Вы знаете, что это ложь!

Мистер Шихи: Вам следует взять эти слова обратно, сэр.

Дик Шихи: Как я уже говорил...

Фоллон: Нет, я их не возьму обратно.

Мистер Шихи: Я призываю достопочтенного депутата от Денби... К порядку, к порядку!

15 (22).

[*В Маллингаре: осенний вечер*]

Хромой нищий (*стискивая свою палку*): ...Так это вы мне вчера кричали вдогонку, вы.

Два мальчугана (*установившись на него*): Нет, сэр.

Хромой нищий: Я знаю, это вы были... (*махая угрожающе палкой*). Зарубите себе, что я вам говорю... Видите эту палку?

Два мальчугана: Да, сэр.

Хромой нищий: Так вот, если будете еще мне кричать, я вас этой палкой распотрошу. Я вам отобью все

печенки... (*разъясняет свои слова*) ...Слышали? Распотрошу вас. Отобью вам все нутро, все печенки.

16 (26).

Белый туман выпадает снежными хлопьями. Тропа меня выводит к полутемному пруду. В пруду что-то движется, какой-то полярный зверь с грубой рыжей шкурой. Я тыкаю своей тростью, и когда он вылезает из воды, я вижу, что у него покатая спина и что он очень неуклюж. Я не пугаюсь и, тыкая в него быстро тростью, гоню его впереди себя. Он тяжело переставляет лапы и бормочет слова на каком-то языке, которого я не понимаю.

17 (28).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Ханна Шихи: Конечно, будут огромные толпы.

Скеффингтон: Это, знаете ли, будет, как выразится наш друг Джокекс, триумф черни.

Мэгги Шихи (*произносит с пафосом*): Быть может, уже в этот миг чернь у наших дверей!

18 (30).

[Дублин, на Северной Кольцевой: Рождество]

Мисс О'Каллахан (*почти шепчет*): Я же вам сказала название, «Сбежавшая монахиня».

Дик Шихи (*громко*): О, я бы не стал читать подобную книгу... Я должен спросить у Джойса. Послушайте, Джойс, вам случалось читать «Сбежавшую монахиню»?

Джойс: По моим наблюдениям, в данное время происходит некоторый феномен.

Дик Шихи: Какой феномен?

Джойс: О... появляются звезды.

Д и к Ш и х и (*обращаясь к мисс О'Калахан*): Вам не случилось ли наблюдать, как... в данное время на кончике носа у Джойса появляются звезды?.. (*она улыбается*) ...Ибо по моим наблюдениям сейчас происходит этот феномен.

19 (42).

[*Дублин: в доме на Гленгарифф-пэрейд, вечер*]

М и с с и с Дж о й с (*появляется на пороге гостиной, трясущаяся, багровая*): Джим!

Д ж о й с (*за пианино*): Что, мама?

М и с с и с Дж о й с: Ты что-нибудь знаешь про тело? Что надо делать? ...Там что-то такое течет у Джорджи из отверстия в животе... Ты не слышал никогда, чтобы такое случилось?

Д ж о й с (*с удивлением*): Не знаю...

М и с с и с Дж о й с: Надо, наверно, за врачом, как ты думаешь?

Д ж о й с: Не знаю... Какое отверстие?

М и с с и с Дж о й с (*начиная раздражаться*): Отверстие, которое у нас всех... тут (*показывает*).

Д ж о й с (*поднимается*).

20.

Все заснули. Я встану сейчас... Он лежит на моей постели, где прошлую ночь я лежал: его накрыли простыней, на глаза положили ему монетки... Бедный малыш! Мы часто с ним вместе хохотали, он так легко носил свое тельце... Как мне жаль, как жаль, что он умер. Я не могу молиться за него, как другие... Бедный малыш! А все остальное так непонятно!

21 (44).

Двое участников похорон проталкиваются сквозь толпу. Девочка, держась ручонкой за платье женщины, бежит

впереди. Лицо девочки бесцветное как у рыбы, со скошенными глазами; лицо женщины небольшое, квадратное, лицо барышни. Девочка, искривив рот, глядит на женщину снизу вверх, понять, не время ли плакать; женщина, поправляя плоскую шляпку, спешит к кладбищенской часовне.

22 (45).

[Дублин: в Национальной библиотеке]

Скеффингтон: Я с такой печалью узнал о смерти твоего брата... Мы, к сожалению, слишком поздно услышали... не могли быть на похоронах.

Джойс: О, он еще был маленький... совсем мальчик...

Скеффингтон: И все-таки... это причиняет боль...

23.

Тут нет танцев. Выйди вперед, мальчуган, станцуй для них... Он выбегает вперед, гибкий, одетый в темное, серьезный, оттого что танцует перед всеми. Музыка для него нет. Он начинает свой танец совсем внизу, в амфитеатре, плавными и медленными движениями, отдельно от одного движенья к другому, со всею грацией юности и чуждости, и вскоре он уж кажется вихрем, паучком, закруживающим свою паутину в пространстве, звездой. Меня тянет крикнуть ему какие-то слова восторга, вызывающе прокричать над головами толпы: «Глядите! Глядите!» ...Его танец — это не танец шлюх, не танец дочерей Иродиады. Он исходит из недр народа, внезапный, молодой, мужественный, и падает обратно на землю, сотрясаясь в рыданиях, и умирает среди своего торжества.